

Валерий Тимофеев

ПОДПОЛЬНЫЕ МУЖИЧКИ

Валерий Тимофеев

**Подпольные мужички.
В музыкальном доме**

«Издательские решения»

Тимофеев В.

Подпольные мужички. В музыкальном доме / В. Тимофеев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833164-0

«Подпольные мужички» — первая книга серии сказок про маленьких человечков. В этой книге вы узнаете, откуда они появились, какой с них толк и почему образовалась огромная очередь из желающих иметь таких помощников у себя дома, в детском саду и даже в школе. В серию так же входят сказки: «Фирма «Лэн и Лэна», детектив для детей «Сыщик Гош», фантастические повести «Солнцепровод» и «Верхом на Комете».

ISBN 978-5-44-833164-0

© Тимофеев В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Сказка от начала начинается, до конца читается, в середке не перебивается	6
Глава 2. Спроста сказано, да не спроста слушано	9
Глава 3. Доселе русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а ныне русский дух в очью является	13
Глава 4. Не научи, да в мир пусти, так будет шиш, а не куски	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Подпольные мужички В музыкальном доме

Валерий Васильевич Тимофеев

© Валерий Васильевич Тимофеев, 2016

ISBN 978-5-4483-3164-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
ДОРОГИЕ РОДИТЕЛИ!

Прежде чем подарить эту сказку детям, прочтите ее сами. Чего греха таить, нередко мы, возвращая своих крошек, окружая их теплотой и лаской, заботой и любовью, в какой-то момент с горечью замечаем – выросло не то, что посеяли, не то, на что рассчитывали. И сникла голова от переполнивших ее дум. Где ошиблись? В чем просчитались?

И sacramентальный вопрос во весь рост:

– Что делать?

Впадать в отчаяние? Махнуть на все рукой? Или попытаться переломить по живому? Какой из этих путей выбрать? А может ни один из них и не годен вовсе...

Книга эта – не просто сказка, как может показаться на первый взгляд. Книга эта внимательному читателю подсказка. А вдруг и вам она сослужит добрую службу.

Нет в ней секретов, нет в ней советов, и все-таки в книге много ответов на самые жгучие ваши вопросы.

С уважением,

Автор.

Глава 1. Сказка от начала начинается, до конца читается, в середке не перебивается

Я давно подозревал что-то неладное.

А началось все с пустяка.

С каждым днем все труднее и труднее открывалась дверь в моем кабинете.

Пол в кабинете сделан из деревостружечной плиты или, попросту говоря, из спрессованных опилок, покрытых сверху мастикой и краской. Этаж полуподвальный, сырой, солнышко почти не заглядывает. А если и заглянет на часок-другой, то сделает это робко, пятнышком присядет недалеко от подоконника, пробежит остороженько по малому кругу, словно боится провалиться под пол, и торопко упорхнет до следующего дня. Вот я и решил – намокли мои опилки, пол и вздулся. И ничего страшного нет. Весна, шибко снег тает. Везде сыро, не только у меня. Наберет силы, пригреет покрепче солнышко, подсушит промокшую землю. И до подвала моего доберется. А там, глядишь, от его тепла пол сам по себе станет таким, каким всегда был и отпустит зажатую дверь.

Если бы знать, как я заблуждался в подобных мыслях...

Мне это маленькое происшествие с полом и дверью не особо и мешало. Зайду в дверь бочком, прикрою ее несильным ударом плеча, сяду за письменный стол и целый день печатаю на машинке – сочиняю то сказки для детей, то повести для взрослых.

Иногда устану от стрекота машинки, отставлю ее в сторону и возьмусь за ручку – делаю наброски будущих глав. Я люблю работать в тишине, когда никто не мешает мыслям моим течь ровно и непрерывно – уцепился за одну и тянешь ее, тянешь, наматываешь на клубочек, а потом разматываешь с клубочка на лист бумаги и выходят строчки из букв и разных там запятых и точек, а строчки складываются в сказки или заманчивые истории.

Когда постоянно рядом шумят или голдонят, ниточки -мысли выходят рваными. Связываешь их, связываешь и получается узелок на узелке. Кто читать будет, на каждом узелке хоть по разу да споткнется, и ему неинтересно станет. Вспомните, по какой дороге вам легче идти? По асфальту? Или по разбитой, где на каждом шагу по десять ямок и луж? Вот и понаблюдайте – интересно читать книгу, значит писателю никто и ничто не мешало сочинять ее. А неинтересно, спотыкаешься на тексте и скука одолевает, мешали ему работать.

А разве в школе на уроках не также? Учитель говорит, все кричат, и никто ничему не научится, никто в таком бедламе ничего путнего не придумает. Криком изба не рубится, шумом дело не спорится.

Потому и выбрал я для работы этот подвал, как своего рода добровольное заключение, срок которого, назначенный мне самим собой – одна написанная книга.

Так вот, в минуты тишины все чаще и чаще стал замечать я: вползают в мой кабинет какие-то непонятные голоса. Вроде и рядом разговаривают, а откуда и о чем – понять не могу. Явственно слышу – кто-то с кем-то о чем-то спорит, кто-то кому-то что-то доказывает или рассказывает, а то вдруг запоет. Оглянусь – никого. А песня идет, и как бы вырастает в меня – со всех сторон ее слышно и не сориентируешься.

*Иванова матка
Всю-то ночь не спала,
Шила-вьшивала
Ивану рубашку.
Тоненьку, беленьку,
С долгим рукавочком,*

*С косым вороточком.
Иван, мой сыночек,
Плыви к бережочку,
Одевай рубашку,
Тоненьку, беленьку,
С долгим рукавочком,
С косым вороточком.*

Постою, послушаю – песня-то знакомая, подпевать хочется. Затихнут голоса, я мыслями в кабинет свой вертаюсь. И думаю, думаю – что бы это значило?

Сначала приписывал все происходящее моей неумной фантазии.

Есть такая писательская привычка. Когда сочиняешь разные придуманные сказки, во всем, происходящем вокруг тебя, стараешься увидеть только сказочное. Листья с деревьев падают, а мне уже чудится: это не просто одёжка с дерева просыпается, а самые настоящие листовые грамоты летят. Это Дерево, которое для меня очень живое и очень мудрое, записывает на листьях умные мысли и отправляет их в путешествие по свету. Если все листья с одного дерева вместе собрать, по страничкам разложить – ух, какой роман получится! Поднять и рассмотреть лист каждый сможет. А прочесть то, что там записано, не всякому дано... Я много листов перелистал, много дней и ночей над рабочим столом провел, пока кое-что разбираться научился. Язык у каждого дерева вроде и свой, и для меня поперву как китайская грамота был. Но, поняв один, легко понимать и другие. Внешнее сходство даже неопытный исследователь увидит: центральная линия – главная мысль, ответвления – мысли не главные, но важные, затем просто мысли, к ним маленькие мыслишки и слова, из которых все эти мысли и мыслишки состоят. Вот такой букет. И все эти линии соединены в единое повествование. Тонкости его...

Не сейчас. Как-нибудь выкрою время и напишу об этом отдельную сказочную книгу.

Или еще пример. Бегают по двору мальчишки и девчонки, играют и смеются. Рядом в песочнице малыши возятся. Взрослые мирно на лавочках сидят, разговоры душевные ведут, а сами, как наседки своих цыплят, малышей оберегают. И каждый занят своим делом. Вдруг плач. Или драка. Или кукле руки-ноги оторвали. Что тут делать? Родители или старшие подлетели, одних успокаивают, вторых разнимают, третьим новую куклу обещают. Только в одном месте успокоили – усмирили, глядь, в другом месте то же самое началось. И весь двор в одну минуту как с ума сошел. Малыши, ребятня постарше, а за ними и взрослые перессорятся, переругаются. После будут головами качать, руками разводиться – вот мол, Прохор да Борис за носы подрались! Хватит браниться, пора и помириться. Но я-то знаю – чьи это проделки! Знаю, кто в этот двор проник и такой «порядочек» навел! Надо найти его, взять за ухо и прочь со двора вывести. Только увидеть его непросто, не всякому удастся. Моя дочка его Десей зовет.

– «Вон Деся бегают!» – подсказывает мне.

Иногда и я увижу – и правда, бегают, проказник, и всех задеть норовит. Может, кто из вас тоже видел его? Маленький такой, коротенькие ножки, нос как неровно отпиленный сучок и большущие уши. А глаза ма-люсенькие, хитрющие! У-у, попадешься ты мне!

Вот таким предстает самый обычный мир перед сказочником.

Итак, меня обеспокоили странные голоса, заполняющие время от времени мой подвальный кабинет.

Не найдя им объяснения, стал я придумывать – что бы это могло быть. И допридумывался до такого, чего и быть-то не может. А это не в моих правилах. Я если что и придумаю, то стараюсь показать придуманное так, чтобы не сразу и догадались – где правда, а где уже и сказка началась. А тут...

Рассмеялся своей фантазии и постарался забыть эту детскую историю. Не дай Бог, кто-нибудь услышит и тоже рассмеется. Но уже надо мной.

Однако жизнь распорядилась по-своему, и вскоре я получил уже явные доказательства того, что в моем кабинете действительно что-то не так.

Сначала опишу свою камеру... то есть кабинет.

Маленькая комната четыре шага в длину и три шага в ширину. Большое окно напротив двери, и смотрит оно в бетонную стену-прямок. Как зайдешь в дверь – слева на стене выключатель и под ним четыре плаката в деревянных рамках. У следующей стены стул, за ним пианино и в углу у окна стол с самоваром и чайными чашками на нем. Справа от окна мой рабочий стол с пишущей машинкой, словарями и черновиками. И вся стенка от пола до потолка и от двери до окна книжными полками увешана. А на них чего только нет! И бумага с карандашами, и клей с машинным маслом, свечки, тушь, колба, календари и гвозди, журналы и даже самая настоящая пеньковая веревка.

Здесь я работаю.

Вечером ухожу и закрываю дверь на ключ.

И вот, с некоторых пор прихожу утром, а в моем кабинете кто-то уже похозяйничал: копались в бумагах, переставляли с места на место книги, играли гвоздями или веревкой, крышку пианино забыли закрыть. Да мало ли чего! Каждый знает – в любом кажущемся беспорядке есть свой порядок. Никто другой так, по-вашему, не сможет все разложить или разбросать.

А самовар! Стоило оставить в нем кипяток, в чайнике заварку, а на столе конфеты или печенье, пищи пропало. Наутро будет пусто. И посуда вымыта. Хотите верьте, хотите нет. Многие уже приходили и проверяли. И все видели эти чудеса. Можете спросить у Кати или у Леси, если мне не верите.

Стали пропадать книги. Главным образом похищали сказки, фантастику или приключения. Брали и словари, и научно-популярные брошюры. Сначала я расстраивался, обнаружив пропажу – я очень люблю книги. Для меня все они – хорошие друзья. Скоро выяснилось – книги не пропадали, их кто-то брал на время и всегда возвращал. Как в библиотеке! Если пропадали сказки, несколько дней не было слышно ни разговоров, ни пения. А если пропадали брошюры или словари, дня два, не меньше, мне чудилось – от споров пол подо мной ходуном ходит.

После всего этого и у меня поджилки слегка затряслись. Такое бывает со всеми, кто сталкивается с непонятными явлениями – и с детьми, и со взрослыми. Это вовсе не трусость, нет. Это азарт следователя, который сидит в каждом из нас. Мне жуть как захотелось докопаться до истины. А как до нее докопаться? Честно говоря, я и сам не знал. Но с детства привык никогда не говорить себе – «Ничего не получится.» Если у кого-то получается, то почему у меня не должно? Потому, что я или еще не попробовал сделать это, или не захотел шевелить мозгами.

Итак, я набрал целую гору книг, в которых кто-то что-то постоянно расследует, перерыл подшивки газет и журналов в поисках ответов на возникшие вопросы, но и через месяц усиленного чтения был так же далек от истины, как и в первые дни.

В конце концов я устал от бесплодных поисков. И как-то само собой получилось, – я перестал и думать о загадочном происшествии. Как видите, интерес мой то возгорался, то угасал. И это вполне естественно. У меня очень много работы. Ее надо делать. А когда занят не только важной, но и любимой работой, времени на всякие там отвлечения остается маловато.

Глава 2. Спроста сказано, да не спроста слушано

Дом, в котором я работаю, редко пустует. С раннего утра и до позднего вечера идут в его классах занятия. Здесь есть уроки и доска, есть ученики и учителя. Но это не привычная вам школа. В доме этом учат музыке. Он так и называется: «Дом Музыки «Пионер». Пионер это не тот мальчик в красном галстуке, который всем был примером, а тот, который первый. Так это слово как будто бы переводится. И учатся в нем не только пионеры. Есть и дошколята, и совсем взрослые ребята, которым скоро сдавать экзамены и поступать учиться в технические училища или в разные институты, университеты и консерватории.

При желании здесь можно каждый день слушать хорошее пение или маленькие фортепьянные концерты.

В кабинет мой часто заглядывают гости.

Сегодня пришли две девочки. Я их раньше не знал. Живут они в одном доме, но в разных подъездах, учатся в одном третьем классе и вместе же приезжают на трамвае в Дом Музыки. Скоро будут запросто играть на фортепиано не хуже самых знаменитых артистов. Правда пока они умеют играть только «Собачий вальс», гамму и «Цыганочку», но и это, поверьте, не так уж мало! Ведь учатся они всего лишь в первом классе. Это я про музыкальную школу говорю.

Зовут девочек Катя и Леся. Ну, Катя – всем понятно, имя известное. Была даже царица знаменитая – Екатерина Вторая. Если была вторая, значит и Екатерина Первая была. Вот насчет третьей или четвертой ничего сказать не могу. Ну да не о царицах речь. Леся – имя редкое. Я подумал – какое-то иностранное. Часто бывает, хватаем все подряд чужое, потому что мол наше ужасно плохое. А наше, может, в тысячу раз лучше иностранного. Услышал я слово «Леся» и сразу так и подумал. А оказалось – ничего подобного, все гораздо проще. Зовут ее Люсей, то есть Людой, то есть Людмилой, то есть Милой, то есть Милочкой. Вот такое имя хорошее! Людям мила! Из одного имени сразу куча имен выходит. Как хочешь, так и называйся. Люсю папа зовет Лесей и всех так называть заставляет. Он, видите ли, в книжке прочитал и ему понравилось. Когда Леся была еще Люсей, ее ребята дразнили: Люська – Буська, Люська – Муська. Обидно, будто она котенок или козленок какой, только осталось на веревочку посадить и в поле выпустить траву щипать. А теперь захотят подразнить, скажут: Леська – Песька. Ну и что? И ничего дразнительного нет. Ребята сами видят – имя Леся никак не дразнится, и отступают. Вот как хорошо папа сообразил.

Это все не я придумал. Это мне девочки в первые две минуты нашего знакомства рассказали. А потом сразу спросили:

– Чего это у вас дверь совсем почти нисколько не открывается?

Если бы я сочинил эту историю, я бы не задавал так вопросов. Я бы спросил проще: «Почему у вас дверь плохо открывается?» У меня все, кто первый раз приходят, про эту дверь именно так и спрашивают. Я уже и отвечать устал. Что я – дверной мастер? Или швейцар, который за всеми эти двери открывает-закрывает?

Взрослым скажешь:

– Доски намокли.

Они скажут:

– А-а! – и больше вопросов не задают. А дети! Им хоть сто раз объясняй, все равно не успокоятся, вопросами замучают: а почему, а зачем? И что интересного в отсыревшем полу? Или поговорить больше не о чем? В конце-то концов, сказочник я или не сказочник?

Девочки такие миленькие, носики любопытно вытянуты, в глазах огоньки сияют, и на щеках у одной ямочки, а у другой веснушки густо-густо просыпаны. Одна повыше – это Катя. У нее черные волосы. Но не совсем черные, как у цыганки или монголки, а такие, посветлее, густо-коричневые. Их еще каштановыми называют. Катя худенькая, волосы корот-

кие – со спины на мальчишку так сильно походит. И смелости у нее как у мальчишки – ничего не боится, только: мышей, жуков, червяков, темноты, пьяных, драчунов и так далее. Другая девочка пониже – это Леся. У нее длинные русые волосы – хвостик с бантиком, и гладкое личико с чуть-чуть розовыми щечками. И, хоть девочки внешне очень разные, это не мешает им быть подружками.

Я им хотел как взрослым про этот вредный пол сказать и даже рот открыл, но слова у меня получились совсем другие.

– Да у меня там человечки под полом живут. Ну вы сами знаете, такие подпольные мужички. Раньше они были маленькие, вот такие, – показал я ноготь на мизинце. – Теперь выросли, им тесно стало. Вот они и поднимают пол, подпорки выставляют, как в угольной шахте крепь. Пространство жизненное для себя отвоевывают. Говорят мне – надоело согнувшись жить, спина постоянно болит. Так и сгорбиться насовсем недолго. А я чего? Я и разрешил. Жалко мужичков. Чего они мучаться будут? Пусть хоть у меня во весь рост развернутся, вздохнут свободно.

Говорю, и сам удивляюсь словам своим: чего я несу? Кто-то как бы в спину меня подталкивает – говори, да назад оглядывайся! Какие мужички? Кому сгорбившись ходить? Девочки большие, их на такие штучки не купишь. Сейчас рассмеются мне в лицо и прозовут обманщиком. Как отмываться буду? Дети не церемонятся, что говорят, то и думают. То есть наоборот, что думают, то и говорят. Хорошо же я буду выглядеть!

Они не рассмеялись.

Внимательно меня выслушали, переглянулись, губки поджали, покивали милыми головками и сказали:

– А-а!

– Это мы их, наверное, в хоровом классе видели! – Это Катя.

– Так они от вас убежали?! – А это уже Леся.

Я рот от изумления так и разинул.

– Кто убежал? Кого видели? – спрашиваю. Я же придумал про мужичков! Такой у меня характер, везде про все придумывать. Не может их быть на самом деле! Совсем никак не может!

– Кого, кого, – недовольно говорит Катя. – Развели тут всяких! Сначала они в темноте, в раздевалке по ногам лазают, потом по классам бегают, детей маленьких пугают.

– Совсем обнаглели! – добавила Леся.

– Где лазают? Кто обнаглел? – строго спрашиваю я, все еще надеясь, что девочки выдумывают, и меня моими же играми и разыгрывают.

– Кто – кто! – ворчит нахмуренная Катя и в глаза мне не смотрит, отворачивается. – Да мужички ваши подпольные! Вот кто.

– Мы в класс вошли, свет включили, а они бегом за пианино, и будто и нет их, – торопится высказаться Леся. Она добрее, в ее словах нет Катиной строгости, только детский восторг в каждом сказанном слове. – Ага, а то мы без глаз! А то мы их уже не заметили!

– За пианино? – переспрашиваю.

– Точно, за пианино.

– И много их?

Девочки растерялись.

– А мы не считали.

– Но много... человек несколько!

– Один сначала не в тот угол побежал, не за остальными. Мы на него загляделись и не успели всех посчитать.

– Они так быстро бегают! И не уследишь.

– Как метеоры!

– Но в другой раз, если хотите, мы внимательнее будем, – пообещала Катя.

– Уж пожалуйста, будьте повнимательнее, – попросил я и спросил больше для того, чтобы проверить – не придумывают ли девочки? – А какие они?

И Леся и Катя удивленно посмотрели на меня.

– Вы разве их не видели?

– Они же ваши!

Какие сообразительные – р-раз и поймали меня. Придется выкручиваться.

– Мои! – уверенно отвечаю я. – Но, скажите, должен я знать, кто из них безобразничает?

– А зачем вам про это знать?

Теперь уже я как будто бы удивляюсь их несообразительности.

– Наказать его. Ишь выдумал! От худа до худа один шаток. Детей в темноте пугать – последнее дело. Вот постоит у меня в углу денек, погреет горох коленками, враз ума-разума наберется! – строго так говорю я.

– Ой, зачем вы так! Они такие маленькие! – запричитали девочки.

– Не наказывайте их!

– Мы совсем не напугались, даже вот нисколечко.

– Даже вот ни тютельки!

– Ни с хвостиком!

– Вы для того это мне говорите, чтобы проказника от заслуженного наказания увести. А ну-ка сознавайтесь! – никак не могу понять, серьезно они говорят или разыгрывают меня.

– Нет, не скажем, – стоят на своем девочки и ставят мне условия. – Дайте честное слово, что простили их. Тогда скажем.

Делать нечего, я принял их условие. Мало того, я сказал им, что мужички эти может и не мои вовсе.

– А чьи?

– Да они здесь в каждой комнате под полом живут, ходят в гости друг к другу, а иногда и меняются квартирами. Одни в одну комнату переезжают, другие на их место. Так им интересней. Это все равно что раз в месяц на новую квартиру переезжать и всю обстановку поменять, не только мебель, но и игрушки.

– Вот бы и нам так! – мечтательно вздохнула Леся.

– Никогда бы дома скучно не было, – подхватила Катя.

Я и сам не прочь каждый месяц менять обстановку, но в жизни все гораздо сложнее. А сейчас, когда девочки мои расслабились, самое время про мужичков выпросить.

– Интересно, – как бы сам с собою рассуждаю, – они опять переехали от меня в другую комнату? Или это чужие были?

Вот так подкинул я вопросик, точно рассчитав, что на него должны обязательно клюнуть.

– Мы только одного разглядеть успели, – первой клюнула Леся.

– Он росточком со стаканчик или с баночку из-под сметаны, – сказала Катя.

– В шапке-ушанке! – вспомнила Леся.

– И в сером-сером пальто! – крикнула Катя. – Вот здорово! Сначала ничего не помнили, а как начали вспоминать, все-все вспомнили! У него были полосатые штанишки.

– А на ногах такие ма-ленькие лапоточки.

– И нос!

– Не нос, а целый носище! Все лицо как будто из одного носа состоит. А глаз и рта не успели разглядеть. Он же на месте не стоял – нате меня, фотографируйте сколько душе угодно!

– Да! Знаете, как он улепетывал от нас? Вот посчитайте до пяти быстро-быстро. Столько мы его видели. Наверно, с полминуты или с полсекунды! Вот, послушайте-ка! – насторожилась Катя. – Опять эту песню поют.

Мы притихли.

В кабинет пробились голоса. Сначала слова улавливались с трудом, Катя подсказывала мне – у нее слух помоложе. А тут я и сам разбирать начал.

*...Молод рекруток по закружью гулял
Он ходил – гулял, товарища искал.
Говорил ему: «Товарищ, братец мой,
Не с одной ли мы сторонушки с тобой.
Не с одной ли мы сторонушки с тобой
Не пойдешь ли на побывочку домой?
Не снесешь ли отцу с матерью поклон
Молодой жене особенно большой...»*

Голова моя шла кругом. Вот тебе раз, дожил. Раньше искал везде чудеса, а теперь они сами меня нашли. Или это девочки такие хитренькие? Поняли, что я их разыгрываю, и решили опередить? Мол, полно, друг, языком молоть, отдохни да потолки... Да нет же, нет! Это уже из области сверх невероятного!

Мы с Лесей и Катей еще немного поговорили о музыкальных занятиях, о мальчишке, который ходит за ними по пятам и, пожалуй, влюбился в одну из них или сразу в двух, договорились о новых встречах – они будут заходить ко мне в гости всякий раз, как придут на уроки, и мы расстались.

Им хорошо, они убежали веселые и довольные. А я сидел в полной растерянности.

Ну ладно, все это выдумки и розыгрыши. А песни? Они-то откуда? Не могло же всем троим послышаться одно и то же!

В этот день я так и не смог написать больше ни одной строчки.

Глава 3. Доселе русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а ныне русский дух в очью является

Если я устаю сидеть за столом, встаю и разминаюсь – делаю зарядку с резиновым бинтом или подтягиваюсь на турнике. Смена занятий – всегда отдых и причем самый хороший. И настроение улучшается и дел много сделать успеваешь. А еще я отдыхаю так: руки на стол, опускаю на них голову и даю себе команду отключиться на пять или десять минут от всего земного. Переносюсь в космос, в состояние невесомости. Это упражнение называется аутотренингом. За пять минут можно выспаться так, словно часа три-четыре в постели провел. Если хотите, я и вас могу научить.

После разминки или аутотренинга работается легко, голова опять соображает, а мысли бегут ровные, без узелков. Пальчики по клавишам стучат, на листке строчки выбивают.

Я уже говорил вам, что люблю работать, когда никто и ничто не отвлекает, и, даже если есть какой-то шум, стараюсь не замечать его. Это тоже аутотренинг, только другой, на сосредоточенность.

В эти дни я дописывал последние главы романа-сказки и очень торопился. Когда торопишься, всегда получается наоборот – одни помехи кругом: то это не выйдет, то гости отвлекли. Никак не получалось в дневной план уложиться. И я засиживался дольше обычного. Лампы над головой гудят негромко, чай на столе остывает, дети все давно по квартирам разошлись и музыкальный дом опустел.

А я все работаю.

Предложение напечатал, точку поставил, задумался – как к следующему эпизоду перейти?

– Гош, а Гош! Ты хитренький! Сам забрался, а мне, старику, кто поможет? – услышал я чей-то просящий голос, но внимания особого не обратил, не хотелось отвлекаться.

– Старику! Ха-ха, старик нашелся! – Этот голос уверенный, с насмешкой. – Если бы мне Лэн такое сказал, я бы еще поверил. А ты, Сав, рановато в старики записался. Полвека не минуло, как на пенсию вышел, а туда же! Меньше ленись! Все ты на других выехать норювишь. Спишь, спишь, и отдохнуть тебе, бедняжке, некогда.

– Да помоги ты, что, убудет от тебя? – вмешался еще один голос, неторопливый, дедовский.

Сопение, царапанье, просьбы и ворчания заполнили мой кабинет. Так уже было и не раз. Единственное что внове, – я мог разобрать слова, хотя не очень старательно прислушивался.

– От меня не убудет. Я нагнусь не переломлюсь. А как не будет меня под рукой, один на один с трудностями окажется, на кого пронадеется, кого ждет-прождет? Дядю? Нет, пушай сам постарается, попотеет. Ему же в будущем сгодится, и меня добрым словом вспомянет.

– Ох и строг ты, Гош. И в кого такой уродился? Вроде, что батюшка твой, что матушка добрее добрых были.

– Хватит старое вспоминать да пустяками языки мозолить. Ишь, растрещались, сороки!

– А и то верно, Лэн, чего это мы? Человек работает, – уважительно сказал тот, кого называли Савом. Голоса у них были непохожими и по тембру, и по интонации, и я подбирал под голоса имена.

– Думает, – не менее уважительно ответил Лэн.

– Писатель! – протяжно произнес еще незнакомый мне голос. В нем угадывались рассудительность и неторопливость.

– Нет, сказочник, – поправил Сав.

– Это одно и то же, – сказал Гош. По его голосу и уверенности можно было сделать вывод – Гош хоть и самый молодой среди них, но состоит за главного: его побаивались и к словам его прислушивались.

– Ну да, ну да, – поспешил согласиться Сав. Он явно переигрывал в своем поддакивании, со стороны мне даже показалось, что он подлизывается к Гошу. – Никогда бы не подумал, что писатели живые. Мне почему-то казалось, да и сейчас еще кажется – они все в прошлом столетии вымерли.

– Ну ты даешь! – рассмеялся Гош. – Вымерли! Они по-твоему – динозавры?

– Не привязывайся к словам! – насутился Сав. – Я перепутал. Имею я право перепутать? Не вымерли, а умерли. Вот как хотел сказать. Ты же понял меня, а привязываешься нарочно.

– Да, нарочно! – подтвердил Гош. – Ты думать не хочешь, а я тебя слушай и головой кивай? Нет, избавь! Хоть на старости ума наживай.

– Да в чем наживать? – Сав никак не мог понять, чего от него хотят.

– А в том! Ты книги читал про войну и про целину?

– Не я читал. Лэн и Кат читали вслух. Я только слушал, – поправил Сав.

– И эти книги, по-твоему, в прошлом веке написали?

– Да нет, что ты! И война и целина недавно были! На войну меня не взяли, ростом не вышел, а целину поднимал! – гордо сказал Сав и закричал радостно. – Вот балда! Понял! И про сейчас кто-то пишет, и сейчас где-то писатели живые есть!

– Учишь вас, учишь, – ворчал Гош. – Нет чтобы сперва подумать, потом ляпнуть. Э-эх. Как об стенку горох.

– Много учен, да недосечен, – хихикнул Лэн.

– Но-но, – огрызнулся Сав, – на себя посмотри.

В кабинет прокралась пауза. Разговор затих, и в тишину эту откуда-то издалека осторожененько заплыл песенный разлив:

*Не летай-ко ты, соколик, высоко
Не маши-ко ты крылом широко,
Не примахивай кручину к молодцу,
Ко Василию Ляксеевичу.
Да и чей это добрый молодец?
Да и чей это мил – удалец?
Воспоила его родна матушка,
Воскормил же его родный батюшка,
Возлеяла его родна бабушка,
А и силой и умом
Наделила Мать-Земля,
Мать-Землица наша русская...*

От строфы к строфе песня набирала силы, приближалась – и вот знакомое ощущение – охватывает она меня со всех сторон, приподнимает и раскачивает напевной мелодией. И даже слишком высокий голос, уводя мелодию в сторону, не портил чуткой глубины русской песни.

– Ты, Лэн, опять впереди всех быть норовишь, – упрекнул Гош. – Зачем кричишь?

– Я не кричу, я так пою, – оправдывался Лэн.

– Лучше бы ты молчал, – буркнул вечно недовольный Сав.

– Как можно молчать, когда душа поет? Сколько лет мы только в подполье пели, а тут счастье подвалило – на бел свет выбраться довелось!

– Зря мы выбрались, – опять незнакомый мне голос. Кат, наверное.

– А чего зря-то? – спросил суетной Сав.

– Дак мешаем человеку.

– Кому? Писателю? – переспросил Гош.

– Ну да, писателю.

– Не мы ему, а он нам мешает, – по-хозяйски уверенно сказал Гош.

«Ничего себе, – думаю. – В мой кабинет ворвались, и я же им мешаю? Ну-ка, мил-удалец, чего ты еще мне про меня насочиняешь?»

– Ты, Гош, того, не наглей особо, – сглаживал резкость Лэн.

– Где ты наглость видишь? – огрызнулся Гош. – Это забота!

– Ха! – не поверил Лэн. – Сказывай тому, кто не знает Фому, а я родной брат ему!

– Время сколько?

– А полстолька!

– Во-во! Тебе бы все воду мутить, да баламутить. А ему давно пора отдыхать. Что он с усталой головой насочиняет? Себя мучает, нас стесняет, завтра не выспится, а все, что напридумывает сегодня, с утра прочтет, в сердцах порвет и в корзину выбросит!

– А он правильно говорит, – признал Лэн. – Не впервой такое случается.

– Ладно оставим его в покое, – смилостивился Гош. – Он большой, не пирог с лапшой, сам знает, что и как ему делать. Давайте, мужички, к самовару подсаживайтесь поближе. Остывает, пузатенький! Быстренько разобрали чашки. Эта самая красивая тебе, Сав. Которая побольше Кату, он у нас чаевник знатный. Лэн себе уже выбрал. А самая маленькая как всегда мне. Ну, кому покрепче? Кому погорячей? С пылу с жара из нашего самовара! – зазывалой на ярмарке прокричал Гош.

Зажурчала вода.

Звук этот вывел меня из задумчивости. Я покрутил головой, стараясь прогнать шум, но вода продолжала журчать. Оглянулся, и... только шорох услышал да мелькнуло что-то непонятное.

– Уж не мыши ли завелись? – сказал вслух.

А вода из крана уже наполнила чашку до краев и по столу сбегала на пол. Я вскочил и перекрыл кран.

К самовару выстроились в очередь еще три чашки. В каждой из них была налита заварка.

Не больше часа тому назад я вымыл все чашки и составил их горкой – одна в другую – на уголке стола.

Глава 4. Не научи, да в мир пусти, так будет шиш, а не куски

Катя и Леся неожиданно – негаданно получили два урока свободного времени. Заболел их педагог. Вернее, у их педагога заболел ребенок, а это явление в нашем дымном городе довольно распространенное.

Занятия хора переносились на другой день.

Можно было со всеми детьми пойти побегать на улицу – скоро май наступит, стоит такая теплотища, что листья на деревьях уже прорезались, а газоны прямо на глазах становятся все зеленее и зеленее, и ребятню на улицу как магнитом тянет. Или можно пойти домой и телевизор посмотреть: или мультики, или кино, или просто что-нибудь, лишь бы картинки на экране сменялись. Но девочки не уходят из музыкального дома. У них появились маленькие тайны, которыми они не хотят ни с кем делиться. Тайны эти вовсе и не тайны. Но это для нас. А для них – самые настоящие, не зря же девочки дали обещание друг другу – никому об этом не говорить. Вот какие девочки. А вот какие тайны. Во-первых, они познакомились с писателем, во-вторых, вошли в мир сказок и помогают мне сочинять. Увидеть своими глазами и услышать собственными ушами как день за днем появляются новые главы, как еще вчера говорили или мечтали о чем-то, а сегодня уже в сказке, и даже можно сказать: – «Ой, я вчера так сказала, а сегодня послушала и мне кажется – я выгляжу смешной. Уберите эти слова, переделайте сказку по-другому. Я хочу быть всегда красивой и умной.» И бесполезны мои заверения – вы девочки юные, а юные все без исключения и красивы и умны, хотя у каждого красота и ум только его и по-своему неповторимы, тем не менее в каждую главу Леся и Катя вносят свои коррективы.

Без детей ни один писатель не смог бы написать ни одной даже самой маленькой детской книжечки. Как бы не был изобретателен ум сказочника или фантаста, что почти одно и то же, он и близко не сравняется с детским умом по части всяких выдумок. Вам покажут рисунок, посмотрите на него и начнете гадать – что же здесь намалевано? А ребенок не задумываясь целую сказку или страшную историю расскажет. Вот вам живой пример. Нарисовала дочка на листе бумаги что-то отдаленно похожее на три круга. И все. И спрашивает традиционно: – «Папа что здесь нарисовано? Отгадай» Ну, я лоб наморщил, выражение на лицо поумней напустил и, только собрался из себя первое слово выдать, а дочка (ей уже надоело ждать – когда я соображу) враз выпалила. «На берегу сидела лягушка. К ней сзади подкралась цапля и хотела эту лягушку съесть. Лягушка увидела в воде цаплино отражение, поняла, какая опасность ей грозит и р-раз! в воду прыгнула. Вот видишь – круги на воде? Это следы от лягушки, которая прыгнула в воду. А цапля расстроилась, что лягушку не поймала, голову повесила, лапой лапу почесала и улетела куда-то. Лягушке хорошо, от нее след остался на рисунке; цапле плохо, в воздухе следов не остается.» – с грустью в голосе закончила рассказ дочка. Скажите мне, кто из трех неровных кругов на листке бумаги сможет выжать столько интереснейшей информации? Я думаю, это и знаменитому Шерлоку Холмсу не по силам.

Каждую свободную минуту Катя и Леся прибегают ко мне, чтобы расспросить или рассказать. С мальчишками легко находить общий язык, особенно если умеешь слушать и слегка подогревать интерес к беседе. А с девчонками общий язык находить еще легче. Как-то так в жизни получается, что девчонкам интереснее с папами, а папы почему-то считают, что не они, а мамы должны заниматься с дочками. Вот и выходит каша. Одни, то есть папы, думают так, думая, что они думают правильно, а на самом деле они думают неправильно. А в результате этих просчетов страдают дети. Их недолюбили, недовоспитали, и их же обвиняют, что выросли какие-то не такие. Чего ждать, если маму с папой видят только вечером, несколько минут перед

сном, когда одни устали от работы, другие от уроков и беготни. Тут не до любви. А без любви только кактусы растут – вон они какие безобразные и колючие! Издалека смотреть еще можно, а близко подойти – страшно.

На стене у меня висит календарь, где месяцы называются немного по-другому, не так как мы привыкли. Январь – просинец. Февраль – бокогрей. Октябрь – грязник. И так далее. Все двенадцать месяцев. Ничего секретного или тайного в этих названиях нет, просто так называли месяцы на Руси. Снеггон и Травень, это апрель и май. Жнивень и Хмурень, это август и сентябрь. Девочки читают и запомнить пытаются. А потом, увидев, что все равно не запомнят эти премудрости с первого раза, переписывают в свои музыкальные тетради.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.